

И там на картошке с хлебом
Я вырос такой большой.

Николай Рубцов

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Картошечка волшебная!
Как я в тебя влюблён!
Написано в учебниках,
Что ты — простой паслён,

— Сорняк, трава немытая! —
Твердят на все лады,
Что очень ядовитая,
Особенно — плоды,
Что в землю силой тяжести
Ты загнана в миру,
Что ты — пришелец вражеский
Из древнего Перу!
Тобой там время меряли,

И кланялись тебе,
И так по-детски верили
Картофельной судьбе.

Ты под испанским парусом
В Европу приплыла,
И Пётр Первый яростно
Тобой в мечтах пылал!
Ты с нашими прадедами
Свершила много бед.
Исконно — кашееды мы,
Пшеница — наш завет!
Ты на Руси прославлена
В картофельных бунтах,
Ты пищей смерти явлена
На дьявольских устах.
Бугристое, как облако,
И проклятое вслух,
О, чёртовое яблоко! —
Смутило русский дух.

Но канул век забывчивый!
И в буднях, и в пирах,
Желанною, рассыпчатой,
Легла ты на столах.
Обиды все простила ты,
Пустила семена.
Кормила и лечила ты
В плохие времена.

И я тебя, картошечка,
Люблю, хоть расшибись!
Пожалуйста, хорошечка,
В саду моем клубнись!

Как царственному профилю,
Светящему во мгле,
Я памятник картофелю
Поставил бы в Кремле!

АНГИНА

От водителя пахнет бензином
И резиной, и пылью дорог,

А от маминых рук — апельсином,
Что я сам уже чистить не мог.
Я лежу весь в бреде и в горячке
У отца в неудобных руках,
И везут меня осенью с дачки,
Где простыл я на горных ветрах.

У водителя нету бензина.
Он, ругаясь, стоит на шоссе.
У меня золотая ангина
И вокруг меня в золоте все.
Мама долькой мне губы щекочет,
Ой, не надо, мне больно глотать...
Человеку шесть лет, он не хочет,
Он не хочет никак умирать.
Я ведь сам виноват в этой драме,
Говорила мне тётя ничья:
«Не ходи, несмышлёныш, без мамы
Босиком по камням у ручья!
Всё большие копают картошку,
Чтобы было что кушать зимой...
Ах, оставили, бросили крошку,
Да и времени нет у самой...»

Мама, мама, не плачь, дорогая!
Я же выживу, мне не впервой!
Пусть уйдёт эта тётя чужая,
Я ведь мальчик горячий, живой!
Не ругайся на папу, водитель,
Он и так весь в грязи и в ботве...
Четверых он мальчишек родитель —
Без картошки не выжить братве!
Он в две смены работает, папа,
На заводе, где плавят металл.
Кислотою он руки обкапал
И окалиной лоб обметал.
Не умел он жалеть нас и гладить,
Но зато и не бил, баловных...
А ещё было трое от дяди,
Что скончался от ран фронтовых.
Вот ведь, помню я запах бензина,
Будто нечего помнить совсем...

О, это восхитительное сало!
Задорней только ножки в варьете!
Оно так упоительно скворчало
На прокалённой чуть сковороде.
Румянилось и пенилось, и пело,
Подпрыгивая, брызгало, смеясь,
И, сбрасывая корочку, шипело,
Само себя глотая как змея.

Тут есть секрет, что знает
каждый повар:
Нельзя на сало зреть, как на товар,
Оно живое!
Разве что слепого
Не восхитит и дух его, и жар.

Так смотрит в магму домны сталевар.

Как жаль, что нет названья —
саловар!

Стоял бы он, трясясь,
как над вулканом,
В глубокий транс поверженным
шаманом,

Во имя света победившим зло,
Сковороду
вращая

над конфоркой
И плазму сала двигая в жерло.

Не надо крышек!
А иначе коркой
Покроется кипящее стекло,
Где происходит чудо превращения
Слоёных льдов в молочное варенье,
В густую лимфу, плещутся в которой
Кусочки беломраморных пород,
Нетронутые айсберги раздора,
К психозу приводящие народ.
Окончена прелюдия...
И вот,
Сырые кубы резанной картошки,
Безжалостно гонимые взащей,

В слюне и соке жертвенных ножей,
Посыпались как пленники из плоски,
Тесня друг друга, бросились в бега.
И кто-то мимо адской головешки
Свалился на пол в поварской оплошке,
Измазавши в пыли половика
Бесстыдные крахмальные бока.
И весь полон из плоти обнажённой,
Взревев,

в огонь
взяла
сковорода,
И взвизгнула, и взорвалась вода,
И новый дух, дух кожи обожжённой,
Клубясь, поплыл по кухне,
словно хвост,
Парным протуберанцем —
За пять вёрст.

О, мать честная!
Кто не голодал,
Тот пицци настоящей не едал...

Вот здесь, когда душа огнём объята,
Один совет,
Который стоит двух.
Разлита водка по сто грамм на брата.
Пьём натошак.
Под самый русский дух.

И — разошлись.

Хозяин сковородки,
Отважный пан,
От важности дрожа,
Губами, непросохшими от водки,
Снимает пробу
С кончика ножа.
Картошечка!
Прими, голубка, соли!
По две щепотки на пяток голов!
Вся в золоте поджарки, из неволи

Хлебный — орехов припас.
О, календарик церковный,
Будь к переменам готовый!
Может, появится новый
Следом — Картофельный Спас?
Он ведь не только питанье,
Разве дороже руда?
Он ведь — Посол воспитанья,
Он ведь — Учитель труда.
В каждом доме по России
Он и Лекарство и Врач.
Мы его в глине растили
На шести сотках у дач.
Всё подбирая, до крошки
По косогорам страны,
Как бы смогли без картошки
Выжить мы в годы войны?
В мёрзлую землю глазками,
Плача, сажали её.
Сколько её мы таскали,
Словно рожали её
Ели ботву и очистки...
Если бы помнил о том
Горн пионерский, речистый
В сытом веку золотом!
Цену обеда к полудню,
Цену, что сводит с ума,
Каждому горькому клубню
Знает тюрьма да сума.
Церковь, мечеть, синагога —
Благословите-таки!
Мудро с картины Ван Гога
В космос глядят едоки.
Благословите нас, разных,
В год этот, месяц и час,
Благословите на праздник —
Светлый Картофельный Спас!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Пусть не будет перепева,
Но всегда картошке рад.

Родовое её древо
Я рисую в блеске дат.

Корнеплод души посева!
Ах, картошка!
Будь стократ
Обнажённая, как дева,
И в мундире, как солдат.

О, мои чтецы и чтицы!
Не ругайте божий дар,
Что не спел я здесь
Про чипсы —
Я для чипсов слишком стар!
Что забыл героя века
Полосатого, как зека,
Колорадского жука.
Просто дрогнула рука.
Я дышал тобой, картошка,
Над тобой порхал, как мошка!
Сам я стал тобой немножко,
Потому меня судьба
И растила и полола,
Сказку жизни мне молола —
То работа, то гульба!

Бей, судьба!
Пинай, как плошку!
Мучай!
Плюнь и разотри!
Только то,
Что нос картошкой
У меня — не говори.

Не тверди, что понарошку
Все слова про ад и рай,
Что стихи мои безвкусны,
Что давно в подвал искусства
Собран я, как урожай...

Всё, читатель.
Провожай!